



РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-634-643

EDN: ZSASBN

Социологическая диагностика исторического сознания россиян: запрос на устойчивое развитие и преподавание социологии*

С.А. Кравченко

МГИМО-Университет МИД РФ,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой развернутую рецензию на книгу под редакцией М.К. Горшкова «Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)» (М.: Весь мир, 2022. 248 с.). Отмечены основные характеристики теоретико-методологического инструментария социологической диагностики: анализ гражданской идентичности через призму национально-государственных символов; выявление специфических черт исторической памяти социальных, региональных и поколенческих групп о значимых достижениях общества и государства; репрезентативность социологических данных, обеспеченная многоступенчатой районированной выборкой. Выделены семь наиболее значимых характеристик исторического сознания россиян, которые выступают факторами укрепления гражданской идентичности и устойчивого развития России. Сделан вывод, что полученные данные имеют теоретическую и практическую значимость — на основе комплексного многоаспектного анализа исторического сознания россиян возможна разработка стратегии устойчивого развития страны и новых подходов к подготовке социологов. Рецензент вносит конкретные предложения по тем курсам, что призваны формировать у молодого поколения социологов критическое мышление, историческое сознание и социологическое воображение.

*© Кравченко С.А., 2023

Статья поступила 16.02.2023 г. Статья принята к публикации 15.05.2023 г.

Ключевые слова: историческое сознание россиян; национально-государственные символы; историческая память; социальная гордость; российская идентичность; идеология; устойчивое развитие

В рецензируемой книге на основе комплексного и многоаспектного теоретико-методологического инструментария социологической диагностики рассмотрено историческое сознание россиян в условиях современных вызовов. Первая составляющая инструментария — это подход к изучению гражданской идентичности через призму национально-государственных символов. Вторая составляющая — анализ явлений и процессов с учетом исторической памяти социальных, региональных и поколенческих групп о значимых достижениях общества и государства, которая влияет на эмоционально-смысловые структуры идентичности, а через них — на массовое сознание и поведенческие практики. Третья — репрезентативность социологических данных, которая обеспечена многоступенчатой рандомизированной выборкой с квотным отбором единиц наблюдения в 22 субъектах Российской Федерации (112 поселений, включая 2 мегаполиса, 19 административных центров, 35 районных центров, 19 поселков городского типа и 37 сел) (С. 7, 11). Такая социологическая диагностика позволяет выявить и раскрыть «корневую систему нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира» [5. С. 10]. Сегодня, когда глобальные «идентичности» утрачивают свое влияние, необходимы национально ориентированные подходы к устойчивому развитию страны, и авторами обоснована «специфическая когнитивная структура» — «исходная матрица понимания» перспектив развития России: «какие маркеры идентичности будут доминировать в массовом сознании россиян, какими станут важнейшие референтные группы самоидентификации», что «вызывает необходимость переосмысления гуманитарной компоненты образовательных программ в школах и вузах» (С. 7, 9).

Обозначим семь наиболее значимых результатов исследования, характеризующих состояние массового исторического сознания россиян в контексте укрепления российской гражданской идентичности. *Историческое прошлое обуславливает консолидацию*: «образы истории — это всегда одновременно и прообразы современности». Особый интерес россиян к отечественной истории «связан во многом с высокой ролью исторического прошлого в консолидации населения как на локальном, так и на страновом уровнях». Любители истории составляют около 20 %, и это весьма значимый фактор устойчивости российского социума, который сдерживает попытки фальсификации отечественной истории и переформатирования исторического самосознания россиян (С. 17, 20). Эта устойчивость принципиально важна для суверенного развития страны.

В годы перестройки и либеральных реформ кризисное состояние общества и системы образования повлекло дисперсию исторического дискурса и оценок прошлого — произошло «снижение исторических компетенций, в особенности среди молодежи»; «исторические консенсусы в современной России все же относительны, не отличаются “железобетонной” устойчивостью и в будущем могут подвергаться определенным переформатированиям»; «каждый третий россиянин сегодня не может сказать, кем могла бы гордиться страна». Причина — потоки неструктурированных данных о перипетиях отечественной истории, которые россияне получают из кинофильмов, телевидения, художественной литературы и особенно Интернета, тогда как «фундамент знания об истории, ее ключевых героях и антигероях все же формируется в средней и высшей школе» (С. 21, 25, 27, 33), что требует изменения подходов и к преподаванию социологии, в частности, введения на социологических факультетах курса «Историко-культурные факторы устойчивого развития России».

Концепция исторического дискурса, адекватного культурному «коду» России. Проблема единственно верной версии исторических событий извечна — она поднималась неоднократно и по сей день продолжает активно обсуждаться. К. Маркс обосновал «материалистическое понимание истории» [9]. М. Вебер увидел недостаток этой позиции в том, что структуры всецело детерминируют поведение индивидов, т.е. исторические события рассматривались независимо от намерений людей. По его мнению, не только материальные факторы, но и идейно-нравственные ориентиры значимы для понимания поведения людей в тех или иных исторических событиях. Исходя из постулата, что история и социология — два направления научного интереса, а не две разные дисциплины, Вебер предложил оригинальную методологию выявления исторической причинности и обоснования относительно адекватной трактовки исторических фактов: необходимо выстроить идеально-типическую конструкцию исторического события с учетом ценностного релятивизма (каждая историческая эпоха имеет культурно значимые ценности, изменяющиеся от поколения к поколению), а затем сопоставить мысленный ход событий с их реальным развитием. Тем самым исследователь перестает быть простым статистом истории, ориентированным на обоснование «абсолютного знания», и обретает возможность понять, насколько сильным было влияние обстоятельств, какова роль конкретной личности в данный момент истории [2].

Зарубежные социологи делают акцент на выработке подходов к интерпретации исторического прошлого с учетом нелинейных трендов развития, повлекших культурные травмы и разрывы исторической преемственности. Так, Ж. Бодрийяр утверждает, что в условиях «конца социального» распространяются политически ангажированные практики означивания событий, что превращает их в «не-события», лишённые культурно-цен-

ностной субстанции и своей истории [1]. Ж. Деррида предложил метод деконструкции, позволяющий выявлять скрытые, «спящие» смыслы истории, перешедшие в современный текст из «первописьма» [6]. М. Фуко разработал «археологию знания», описывающую отдельные исторические события, устраняя «налет» субъективного фактора [11]. При всей оригинальности и научной значимости этих концепций, нельзя не отметить в них доминирование формально рациональных, прагматических подходов. Их применение в научных трудах по истории и в образовании обернулось тем, что либо абсолютизируются западные «универсальные» ценности, либо умаляется роль незападных культур. Формализация истории не обошла и Россию, где изучение истории подчас сводится к заучиванию дат и имен для сдачи ЕГЭ.

На фоне отсутствия единого учебника отечественной истории будет востребована предложенная авторами книги концепция исторического дискурса, адекватного «культурному коду» России, — предлагаются подходы к формированию устойчивого исторического нарратива. Данная концепция, с одной стороны, принимает во внимание эффекты нелинейности и неопределенности, распространившиеся на историческое знание, а, с другой, акцентирует значимость национального культурного кода. Ее квинтэссенция — формирование исторического сознания россиян с учетом потребности в устойчивых ориентирах и «общем историческом нарративе». «Более половины населения страны убеждены в том, что от трактовки прошлого зависит наше общее будущее». При этом «россияне в значительной своей части понимают, что историческое знание обладает определенной спецификой и не может дать нам вечных истин» (С. 78, 82). Соответственно, очевиден запрос на курс «Социология отечественной истории», который в методологическом плане учитывает особенности российской культуры и призван формировать у молодого поколения критическое мышление, историческое сознание и социологическое воображение нелинейно-гуманистического типа [8].

Национально-государственные символы в восприятии россиян. В предыдущем исследовании М.К. Горшков отметил, что с конца советского периода в стране начал складываться качественно сложный социум — общество становилось все более дифференцированным, многослойным, переживающим перманентный процесс экономического, технологического и социокультурного обновления. Поскольку «различным эпохам, различным сообществам соответствуют различные типы человека», в социальном отношении россияне из объектов управления превращались в самостоятельно действующих акторов, и недооценка этого фактора приводила к многообразным конфликтам и во времена перестройки, и в постсоветский период. В связи с этим было предложено нацелить социологическую диагностику на выявление того, «кто мы такие и что мы как общность собой представляем» [4. С. 28–34]. В рецен-

зируемой книге этот подход был развит применительно к анализу усложнения исторического сознания россиян: будучи акторами, россияне самостоятельно выбирают каналы информации, которые по-разному трактуют национальные символы, что сказывается на их историческом сознании, видении себя в общности и представлениях о будущем страны.

«Наиболее глубокий “водораздел” в восприятии национальных символов обнаруживается между людьми, по-разному видящими желаемое будущее России». Те, кто выступают за национальные традиции, моральные и религиозные ценности, воспринимают образ страны через исторические памятники, города-герои, государственные символы. «Сторонники сближения с Западом, вхождения России в “общеевропейский дом” чаще игнорируют исторические (а с ними и политические) аспекты национальных символов, фокусируясь на политически и исторически нейтральных ассоциациях... в подобных установках прозападно настроенных россиян проявляется желание стать национально и граждански “нейтральными” и дистанцироваться от “российскости”». Эта тенденция по-разному проявляется у поколений: «если для молодежи вопрос “обрастания” символами — скорее всего дело будущего жизненного и социального опыта, то применительно к тем, чье символическое восприятие России имеет в основании мировоззренческий выбор (“общеевропейский дом”), речь идет об уже сформировавшейся и, вероятно, довольно стабильной позиции... Молодежные группы оказываются наиболее уязвимыми с точки зрения формирования их исторического сознания и чувства гордости за исторические достижения страны» (С. 39, 40, 50, 244). Эту тревожную тенденцию для устойчивого развития страны надо исправлять, разумеется, не жестким цензурованием каналов информации (что не исключает контроля за их контентом), а посредством «мягкой силы» — введения в образовательный процесс курса «Социология национально-государственной символики», для чего уже заложена научная основа. Так, в исследовании Г.В. Вилинбахова «Символы России» прослеживается становление самодержавной (и суверенной) власти через развитие государственной геральдики, реконструирована история бело-сине-красного государственного флага России и других знамен, которые «представляют собой источник, помогающий уточнить направление развития идеологий ...и могут дать определенную периодизацию социально-политических процессов» [3. С. 161].

Историческая память как основа социальной гордости. Важность последней «определяется тем, что она аккумулирует, накапливает в себе и отражает оценки человеком всей истории страны и происходящих в ней процессов... гордость является установкой, которая конвертируется в поведенческие реакции, действия... в целом “запас прочности” этого фундамента в здании исторической гордости россиян велик». Однако в последнее время, в ходе смены поколений и в связи с изменением фокуса политического внимания, возник запрос на укрепление «оборонно-

го сознания» вследствие напряженности во взаимоотношениях с другими странами и введения антироссийских санкций. «Очевиден тренд на общее ослабление чувства гордости за прошлое страны... Это касается в том числе и топ-позиций — победы в Великой Отечественной войне и послевоенного восстановления страны, великих деятелей культуры, полета человека в космос» (С. 58–62). Вызовы исторической памяти подрывают функциональность социальной гордости как значимого социокультурного фактора устойчивого развития страны и консолидации общества. И авторы предприняли успешную попытку эмпирически измерить влияние этих вызовов на разные социальные слои, разработав «индекс гордости». Его применение выявило среди причин дефицита гордости за Россию пробелы в образовании и в формировании исторического сознания, а также обращение к зарубежным СМИ как источнику «правдивой» информации: 25 % тех, кто на нее полагаются, не видят в истории страны ничего хорошего (С. 65–67, 69). Кроме того, по сравнению с советским периодом наблюдается сокращение образовательных телепрограмм, которые оказались вытеснены развлекательными передачами.

Общационациональная семейная память как фактор консолидации поколений. Значительное внимание в книге уделено семейной памяти — ее роли в консолидации разных поколений россиян в условиях международных вызовов. Прежде всего, отношение к историческим событиям — это «результат эмоционального переопределения современниками своего настоящего через “значимое” прошлое собственной семьи... Прошлый конфликт предков нынешних сограждан, передаваясь и воспроизводясь через семейную постпамять, может препятствовать утверждению единой гражданской идентичности, особенно в мультикультурных сообществах... Актуальности исследованию семейной памяти россиян добавляет постепенное “затухание” советской ценностной парадигмы исторического наследия, пока успешно объединяющей неоднородное российское сообщество». При этом «молодые россияне в возрасте 18–30 лет (29 %) довольно редко рассматривают отечественную историю сквозь призму семейной истории. Гораздо чаще в целях реконструкции таковой они обращаются к интернет-ресурсам по исторической тематике (37 %)». Еще одна выявленная проблема для консолидации поколений, имеющая глубокие исторические корни, состоит в том, что 19 % респондентов ничего не знают об истории своей семьи — «в советский период многие обстоятельства семейной истории намеренно замалчивались людьми из-за страха быть осужденными окружающими» («непролетарское» происхождение, осуждение родных по «политическим статьям») (С. 89–90, 92–93, 95]. Казалось бы, локальная сфера жизнедеятельности конкретных людей фактически имеет стратегическое значение для устойчивого функционирования общества и формирования единой гражданской идентичности.

Сегодня многие из этих проблем решаются за счет формирования своего рода сетевого поколенческого единения на основе общегосударственного исторического дискурса, пример чему — акция «Бессмертный полк». «Информированность и вероятность прямого участия в ней коррелируют с уровнем образования респондентов. Чем выше образование, тем выше уровень информационной включенности и вероятность прямого участия (С. 105). Общенациональная семейная память сохраняется, пока ее воспроизводят люди, и социологи могли бы ввести в свои образовательные программы курсы «Социология семейной памяти» и «Социологическая диагностика социального насилия», опираясь на работы М. Фуко и других исследователей о системах надзора и наказания в западных странах, Холокосте, колониальном насилии как инструменте «авангардного» развития стран первого мира, «псевдоуниверсальности» правил в основе либеральных трактовок прав и свобод человека и т.д.

Этническая и гражданская составляющие российской идентичности. Пожалуй, это первое исследование, в котором так комплексно и многоаспектно проанализирована взаимообусловленность этнической и гражданской составляющих идентичности в историческом контексте — как диалектическое единство в историческом сознании. «Общее прошлое воспринимается как один из центральных атрибутов единства и гражданской нации, и этнической общности... многим россиянам близка идея российской нации как “плавильного котла” разных культур, сосуществующих в рамках единого государства: общая для всех российская идентичность не воспринимается препятствием или альтернативой для этнического самоопределения». Диалектический характер этнической и гражданской составляющих в идентичности россиян обусловлен историей становления России как многонационального государства: «национальность россияне определяют преимущественно через культуру, а не через “кровь”, биологическое родство... понимание этнической общности через сопричастность общей культуре делает ее границы не “жесткими”, а открытыми для новых членов, и этническую идентичность — изменяющейся под влиянием времени».

Вместе с тем отмечены и угрозы устойчивому консолидированному развитию страны: «националистические идеи чаще других поддерживают россияне без профессионального образования»; «национальный вопрос не только обладает колоссальным центробежным ресурсом, но и способен породить многопоколенные острые конфликты»; «катастрофисты... чаще других высказываются в поддержку лозунга “Россия для русских”»; события на Украине «переносят фокус “русского вопроса” из внутренней политики, где дискурс защиты прав русских циркулировал с середины 2000-х годов, в международное пространство» (С. 135, 136, 138–140). Эти вопросы нуждаются как в дальнейшем научном осмыслении, так и во включении в учебный процесс, например, в рамках курса «Социологическая диагно-

стика национального вопроса», который бы основывался как на эмпирических данных, так и на концепции «гло-локал-анклавизации мирового сообщества» В.А. Ядова, считавшего, что «несомненная и наиважнейшая особенность России — анклавизация» [12. С. 354, 358]. Многие вызовы устойчивому развитию нашей страны имеют как объективные (гло-локал-анклавные реалии), так и субъективные (массовое историческое сознание россиян) детерминанты.

Идеологическое противостояние в восприятии отечественной истории. В годы перестройки и либеральных реформ в общественное сознание россиян активно внедрялся миф о «деидеологизации истории», который камуфлировал «множественные атаки на историю, попытки ее переосмыслить, заменить ее прочтение как героических страниц на прочтение как страниц идеологического и гуманитарного поражения» (С. 59–60). В книге утверждается, что идеологическая борьба не только не завершилась, но существенно усложнилась, распространяясь и на прошлое (исконные ценности, исторические победы и др.), и на современность: «идеологическое противостояние фокусируется сегодня и на “актуальной повестке дня”, и на том, что происходило в прошлом. Поэтому нам просто необходим регулярный социологический мониторинг восприятия обществом отечественной истории» (С. 247).

В попытках «отменить» российскую культуру задействованы новейшие приемы манипулирования смыслами, и ставка делается на «цифровой надзор», суть которого, по У. Беку, — «невидимый тотальный контроль на глобальном уровне», включая «возможности отслеживать личную информацию» и «утрату национальным государством способности обеспечить демократическое управление», что «угрожает “только” некоторым основным достижениям современной цивилизации: личной свободе и автономности, частной жизни, основополагающим институтам демократии и права» [13. С. 141–142, 143]. «В молодежной среде наиболее выражены установки на сближение с условным “Западом”, и это находит выражение в другом взгляде на события советского и современного периодов» (С. 63–64).

Эти данные побуждают обществоведов «переоткрыть» значение идеологии для устойчивого развития страны. Еще К. Манхейм указал на амбивалентную функциональность идеологии: она способствует саморационализации (этот эффект свойственен национальной идеологии и актуален для устойчивого развития общества), однако определенные ее типы, подчас созданные в политических целях, влекут дерационализацию, производя смыслы «от сознательной лжи до полусознательного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана» [8. С. 56]. Если национальная или государственная идеология консолидирует общественное сознание и, соответственно, укрепляет устойчивость социальных институтов, то так называемая «деидеологизированная история»

воспроизводит чуждые нам идеологии, хаотизирующие общественное сознание россиян. Согласно Ж.Т. Тощенко, «идеология — неперенный атрибут развития общества... ни одна страна, общество, государство не могут существовать без идеологии. Она имеется в каждом их них, независимо от официального ее признания... Отказ от официальной идеологии привел к тому, что общественному сознанию была нанесена колоссальная травма», и сегодня в российском обществе сосуществуют либеральная, социалистическая, консервативно-патриотическая, национальная и «эрзац-идеологические формы» [10. С. 182, 185, 195–199]. От нашего отношения к современным усложняющимся идеологиям в конечном счете зависит устойчивость российского общества, поэтому важно включить в программы подготовки социологов курсы «Отечественная история через призму борьбы идей» и «Современные средства идеологического противоборства: мифы “деидеологизации”, “культуры отмены”, постправды».

Таким образом, рецензируемое издание стало событием и импульсом для развития российской социологической науки. Положения книги основаны на достижениях мировой социологической мысли, но отфильтровывают постулаты об универсальности западных исследовательских подходов, раскрывая их идеологическую направленность. Проведенное учеными ФНИСЦ РАН исследование — несомненно, мирового уровня, но его результаты и выводы национально ориентированы — призваны способствовать разработке стратегии устойчивого консолидированного развития России и инициируют обновление программ подготовки социологов с учетом тех внешних вызовов, с которыми столкнулась наша страна.

Библиографический список

1. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2000.
2. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990.
3. *Велибахов Г.В.* Символы России. Очерки по истории русской геральдики. СПб., 2009.
4. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). Т. 1. М., 2016.
5. *Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпунин О.И.* На переломе веков: социодинамика российской культуры. М., 2022.
6. *Деррида Ж.* Письмо и различие. М., 2000.
7. *Кравченко С.А.* Динамика социологического мышления и воображения // Социологические исследования. 2009. № 8.
8. *Манхейм К.* Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. М., 1994.
9. *Маркс К.* Социология. М., 2000.
10. *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
11. *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004.
12. *Ядов В.А.* Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М., 2002.
13. *Beck U.* *The Metamorphosis of the World.* Cambridge, 2016.

Sociological diagnostics of the historical consciousness of Russians: Request for sustainable development and teaching of sociology*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations,
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of the book edited by M.K. Gorshkov *Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, and Symbols (Sociological Measurement)* (Moscow: Ves Mir, 2022. 248 p.). The author identifies the key characteristics of the theoretical-methodological tools of this sociological diagnostics: analysis of civil identity through the national-state symbols; identification of specific features of the historical memory of social, regional and generational groups about the significant achievements of society and the state; representativeness of the sociological data provided by a multi-stage stratified sample. The article describes seven most significant characteristics of the historical consciousness of Russians as factors strengthening the civil identity and the country's sustainable development. The author argues that the book has both theoretical and practical significance due to being based on a comprehensive multi-aspect analysis of the historical consciousness and to providing grounds for a national strategy for sustainable development and for new approaches to teaching sociologists. The author makes some proposals of courses that would help younger generations of sociologists to develop critical thinking, historical consciousness, and sociological imagination.

Key words: historical consciousness of Russians; national-state symbols; historical memory; social pride; Russian identity; ideology; sustainable development